

семиотики, этнопсихоллингвистики и при составлении учебных пособий по данным дисциплинам. Могут также оказаться полезными при сравнительном изучении СР русского и других языков и при составлении лингвострановедческих словарей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. – Мн.: Маст. лит., 1985.
2. Булгаков М. Сочинения: Роман. Повести. Рассказы. – Мн.: Университетское, 1989.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: Роман. – М.: Худ. лит., 1988.
4. Изард К. Э. Психология эмоций / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000.
5. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1972. Вып. 16. С. 3 – 31.

Сведения об авторе: Слыхалова Наталья Геннадьевна – преподаватель кафедры белорусского и русского языков БГАТУ, кандидат филологических наук.

ДЯТКО И. М.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале существительных)

Любой язык универсален и гибок в отражении человеческих понятий, суждений и чувств. Однако языковые единицы одной системы могут отличаться от единиц другой системы. И это вполне объяснимо. Каждому языку присущи свои особенности развития, в каждом языке запечатлено своё, присущее только ему видение мира, носители разных языков имеют свою культуру, живут в разных географических условиях. Поэтому при сопоставлении практически любой пары языков выявляются их отличительные особенности.

Лакуны – это наиболее яркий случай отличия двух лексических систем. Особенно ярко отличия такого рода проявляются на фоне близкородственного языка. Выявления, описание и фиксация всех случаев лакун в языке является актуальной и неразработанной проблемой. Это направление, безусловно, будет способствовать более глубокому, осмысленному изучению языка. При исследовании средств компенсации лакун наиболее ярко высвечиваются семантические и структурные особенности языков. Для методики преподавания, теории перевода и типологического изучения языков анализ расхождений в лексическом составе языков имеет огромное значение. Изучение слов и соответствующих

им заполнителей лакун позволяет выявить национальную специфику языков.

В центре внимания нашей статьи заимствованная лексика русского языка и ее раздельнооформленные эквиваленты в чешском языке. В данной работе мы хотим показать, как проявились тенденции пуризма в чешском языке, как носители русского и чешского языков относились к заимствованной лексике.

В отдельные периоды своего развития славянские языки оказывали друг на друга определенное воздействие, которое проявилось главным образом в области лексики, словообразования, а также синтаксиса.

Становление чешского национального языка проходило в условиях немецкого господства и интенсивного проникновения немецкого языка во все области жизни. Огромное влияние на его становление оказал глубокий интерес к русскому языку, истории и культуре народа, что, безусловно, нашло отражение непосредственно в лексике чешского языка: например, в заимствовании русских слов, выражающих «национальный колорит» языка: *kokosník* (*čelenka ruského národního kroje*; *druh oblouku u ruských staveb*), *kulebiaka* (*druh pirohu*) *okroška* (*polévka z kvasu a jemně nařezané zeleniny a masa*), *děkabrista* (*učastník šlechtického revolučního poustání v r. 1825 v Rusku*).

Следует отметить и некоторые одинаковые тенденции в развитии двух родственных языков. В русском языке – это полемика между архаистами (шишковистами) и новаторами (карамзинистами). В чешском языке также наблюдались тенденции пуризма (т. е. борьбы за чистоту языка), которые в основном проявлялись в стремлении очистить язык от иностранного влияния (в первую очередь от немецкого), использовании своих, исконных слов. Например, чеш. *divadlo* (театр), чеш. *milovník divadla* (театрал). Оригинальный характер системы любого языка «выступает с особенной ясностью только при сопоставлении одной системы с другой. Большой интерес в этом отношении представляют языки, находящиеся в тесном родстве, так как именно при паличии большого сходства лексического материала индивидуальные признаки структуры различных систем выявляются с наибольшей ясностью. В этом отношении славянские языки представляют такие удобные и благоприятные условия для исследований, каких почти нет в других языках» [1, с. 207].

В чешском и русском языках выявляется большой фактический материал, наличие которого обусловлено лексическими лакунами: например, рус. *брага* – чеш. *domáci ruské pivo*, рус. *волжанин* – чеш. *obyvatel Povolží*, рус. *дачник* – чеш. *letní host*, рус. *дровни* – чеш. *selské ruské sáně [nákladní]*. Лексические лакуны и, как следствие, межъязыковые пары

«цельно-оформленный номинант его раздельнооформленный эквивалент (заполнитель лакуны)» имеют двойственную природу и составляют две группы: 1) лингвистические, 2) культурологические. Такая дифференциация в синхронном срезе анализа имеет относительный характер, хотя этот вопрос, безусловно, заслуживает особого изучения.

Любой язык допускает в своем составе наличие заимствованной лексики, и судьба таких слов неодинакова: в одном языке иноязычные слова «чувствуют себя уютно», другой же язык очень настороженно относится к заимствованиям (такая ситуация объяснима не только интра-, но и экстралингвистическими факторами).

В русском языке очень много заимствованной лексики. И прежде чем стать полноправными единицами системы русского языка, иноязычные слова «прошли» очень долгий путь (процесс фонетического, морфологического, семантического, лексического освоения). Некоторые заимствованные слова, освоенные русским языком и имеющие широкое распространение, воспринимаются как иноязычные, так как сохраняют отдельные фонетико-морфологические особенности, чуждые русскому языку (отсутствие словоизменения, наличие твердых согласных перед буквой *e* и др.: *кофе, пюре, кафе, митинг, такси, декан*) [2, с. 250].

Иноязычная лексика обогащает словарный состав языка, его стилистические возможности. Однако злоупотреблять ею нельзя, поскольку излишние заимствования приводят к засорению языка.

В чешском языке, безусловно, наблюдается довольно большое количество иноязычных слов. Однако после 1918 г. чешский язык, может быть, как ни один другой, очень ревностно относился к заимствованиям. И если русский язык отверг придуманные А. С. Шишковым русские эквиваленты некоторых иноязычных слов (например, *тротуар* – *ходыря*, *фортельяно* – *тиходрол*, *инстинкт* – *побудок*, *медицина* – *лечезнание*, *астрономия* – *звездачество*, *эгоист* – *себятник*), то чешский язык допускает наряду с иноязычным употреблением своего слова (*фортельяно* – *piano, klavir, медицина* – *lékařství, medicina, эгоист* – *egoista, sobec*), а иногда и считает единственно верным такое употребление (например, *тротуар* – *chodník*).

Часто заимствованному слову, а также новообразованию в русском на базе заимствования в чешском соответствует раздельнооформленный эквивалент.

Так, заимствованиям в русском языке с одной иноязычной основой в чешском языке соответствуют аналитические номинанты, представленные следующими структурными типами:

I. Заполнители лакун – простые словосочетания. Модели: прилаг. + сущ. *aicberp* – *plovoucí ledovec*, *безе* – *sněhová pusinka*, *бра* – *nástěnný svícen*; сущ. + сущ., (*аллюор* – *chod koně*, *млеврум* – *zánět pohrudnice*); сущ. + прилаг. (*беркут* зоол. – *orel sklani*, *пеликан* зоол. – *pelikán růžový*); сущ. + предлог + сущ. (*бенуар* театр. – *lůžč v přizemí*, *кармуз* – *čepice se štítkem*).

II. Заполнители лакун – сложные сочетания слов (*бот* мор. – *menší motorový [plachetní, veslařský] člun*, *иллюминатор* мор. – *kruhové lodní okénko*, *глимвейн* – *horké svařené víno*).

III. Заполнители лакун – сложные конструкции определительного характера (*гоголь-моголь* – *žlutek utřený s cukremtaner* – *hudebník hrjící k tanci*). Как видим, аналитические чешские номинанты передают смысл «чужих» слов описательно конструкциями, разными по своей сложности. Самый большой структурный тип: простые словосочетания (модель – прилагательное + существительное).

Многим иноязычным словам, вошедшим в русский язык и состоящим из двух и более иноязычных слов (без русских частей, аффиксов), в чешском языке также соответствуют аналитические эквиваленты, представленные в основном одним структурным типом: простыми словосочетаниями прилаг. + сущ. (например, *аванпост* – *přední stráž*, *авиалиния* – *letecká linka*, кинокомедия – *filmová veselohra*).

Слова, содержащие в себе иноязычную и русские части, представлены в чешском следующим образом.

I. Простыми словосочетаниями. Модели: прил. + сущ. (*кинозвезда* – *filmová hvězda*, *литературовед* – *literární vědec*, сущ. + (предл.) + сущ. (*бахчеводство* – *hěstování melouni [tykvi]*, *картофелекопалка с.-х.* – *vyorávač brambor*, *радиослушатель* – *posluchač rozhlasu*).

II. Сложные сочетания слов и конструкции описательного характера (например, *авианосец* – *mateřska letadlová*, *автопоезд* – *nákladní vůz [stahač] shřívěsy*; *радиоточка* – *zařízení pro podrát*).

Заемствованные слова в русском очень часто являлись основой для образования новых слов при помощи русских аффиксов. В чешском же языке значение таких слов передается аналитически.

I. Простыми словосочетаниями прил. + сущ. (*анисовка* – *anýzová vodka*, *валерьянка* – *valeriánové kapky*, *сезонник* – *sezónní dělník*, *текстильщик* – *textilní dělník*, сущ. + (предл.) + сущ. *вафельница* – *forma na oplatky*, *гипертоник* – *nemocný hypertonií*, *кепка* – *čepice se štítkem*, *лампадка* – *lampička před ikonou*).

II. Сложными конструкциями описательного характера (*зюйдвестка* разг. – *široký nepromokavý námořnický kloubouk*, *ракетчик* – *voják*

raketového vojska, дипломник student pracující na diplom práci, кастелянша – hospodářka mající na starosti prádlo [v nemocnici apod]).

Мы видим, что носители русского языка более благосклонно относились к заимствованной лексике. Это связано с тем, что становление русского литературного языка происходило в тот период, когда Россия принадлежала и числу наиболее влиятельных независимых европейских держав. Становление же национального чешского литературного языка происходило в рамках Австрийской монархии, где господствующей народностью оказалась немецкая. Габсбургская политика вызвала к жизни интенсивную германизацию, которая таила в себе угрозу полной ассимиляции чешского языка немецким. Соответственно, и отношение к иноязычному, «чужому» в России было менее враждебным, чем в Чехии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ровдо И. С. Лексические лакуны как отражение интра- и экстралингвистических факторов в сопоставимых языковых системах: В 3 т. – Białystok, 1995. Т. 3.
2. Современный русский язык. Ч. 1. Фонетика. Лексикология. Фразеология / Под ред. П. П. Шубы. – М., 1998.
3. Волчек Й. Я. Русско-чешский словарь = Russko-český slovník: 40 000 slov. – М., 1985.
4. Rusko-český – česko-ruský slovník / Šroufková M., Pleský R., Statní M/ Pedagogické Nakladatelství. – Praha, 1987.

Сведения об авторе: Дятко Инна Михайловна – преподаватель кафедры белорусского и русского языков БГАТУ.

БУДЬКО М. Е.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОШИБОК В РУССКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

На современном этапе развития методики преподавания РКИ приоритетное значение отводится формированию у иностранных учащихся как языковой и коммуникативной, так и социокультурной компетенции. В настоящее время в литературе перечень компетенций дополняется социолингвистической, дискурсивной, стратегической, социальной, переводческой, предметной и т. д. Понятие *компетенция* рассматривается как «знание системы и употребление, то есть использование единиц этой системы в деятельности» [2].

Коммуникативная компетенция функционально зависима от лингвистической и социокультурной и является следствием усвоения культурных знаний.